

**М. А. Мельников, государственный
советник 1-го класса Федеральной службы
РФ, доцент кафедры политологии и
политического управления РАНХиГС,
кандидат политических наук**

**Противодействие современным методам пропаганды экстремизма как
фактор обеспечения политической стабильности.
Влияние новой медиареальности**

Если рассматривать политическую стабильность как ценность современного миропорядка (как минимум в контексте существования и социального развития государства и общества), то можно неизбежно прийти к выводу о реальности и постоянном воспроизводстве немалого числа рисков и вызовов, обеспечивающих дестабилизацию. Надо также признать, что именно ксенофобия, экстремизм, «замешанные» на национальных, этнических, религиозных и иных социальных противоречиях, стали актуальным фактором общественной деструкции. Противодействие ей и должно стать предметом складывающейся системы обеспечения политической стабильности.

Понятно, что важнейшими компонентом управленческой деятельности по организации противодействия экстремизму является нормативная база и мониторинг практики. И в этой части законодатели разных стран (включая Россию), межправительственные, международные структуры и организации проявляют озабоченность по поводу необходимости решения проблемы экстремизма, борьбы с идеологией исключительности и превосходства, в частности, по признакам национальности, этноса, религии.

Что роднит национальные и международные правовые акты, призывающие к борьбе с проявлениями и идеологией экстремизма? Прежде всего — признание высокой значимости информационной компоненты противодействия распространению идеям экстремизма,

человеконенавистничества. Этот аспект и хотелось бы выделить в этом выступлении.

Совершенно оправдана озабоченность современных исследователей, аналитиков, отмечающих двойственную актуальность и новую роль медиа, как традиционных, так и информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет. Медиа все чаще и чаще маркируются и как стабилизирующий фактор (средство адаптации, социализации, научения и проч.), и как средство дестабилизации политической и культурной среды.

Ожесточенные споры на весьма авторитетных дискуссионных площадках возникают главным образом по поводу возможностей, методов и границ регулирования деятельности, так называемых, новых медиа, прежде всего, информационно-телекоммуникационных сетей, различных платформ Интернета, блогинга. Призывы к управлению новыми медиа отличаются глубокой поляризацией: от тотального контроля за содержанием сообщений и исключения анонимности авторов в Интернете до полной свободы самовыражения в сети по любому поводу без каких-то ни было ограничений.

Здесь целесообразно остановиться на некоторых наиболее продуктивных суждениях и предложениях, ставших трендами в дискуссиях.

Расхожее мнение — регулировать можно только то, что можно вообще регулировать с помощью тех или иных техник, не покушаясь на свободу выражения мнений. Многие авторитетные эксперты полагают, что безусловной модерации подлежат, к примеру, интолерантные суждения, оправдание сегодняшних спорных реалий далекими историческими прецедентами, утверждения превосходства той или иной общности по этническим или религиозным признакам, отрицание Холокоста, призывы к совершению тех или иных уголовно наказуемых деяний, в частности, оправданию террористической деятельности или ксенофобии. Таким регулированием, считают представители IT-сообщества, должны заниматься профессиональные сообщества на основе выработанных ими же механизмов и норм самоуправления. Государственники же полагают — уже нет времени

на размышления, широкая аудитория не может ждать, пока профессиональные сообщества созреют до понимания высокого уровня социальной опасности контента виртуальной коммуникационной среды, надо дать возможность действовать легальным надзорным органам. В этом споре пока побеждают последние (хотя зачастую действуют методом проб и ошибок), т. к. предъявляют более весомые аргументы, а их оппоненты, наоборот, демонстрируют беспомощность и неэффективность.

Другая тенденция в сложившемся дискурсе может быть охарактеризована как неолибералистский подход к регулятивной деятельности IT – среды. Суть ее состоит не в непосредственном участии государства в регулятивных мерах, а в обеспечении альтернативных точек зрения в противовес интолерантным, в противостоянии «слово против слова». Сторонники этого подхода сами становятся действующими персонажами виртуальной среды — лидерами форумов, блогерами, экспертами и референтами социальных сетей и прочих электронных медиа. Конечно, реализация такой технологии участия требует от представителей институтов власти определенных компетенций и навыков в области Web of Science, умения строить эффективные коммуникации в социальных сетях. Кроме того, специалисты от политической психологии уверены — новые подходы требуют изменения мировоззрения представителей власти, которые должны осознавать свой новый субъектно-объектный статус, принять (незнакомую и даже чуждую для многих) роль непосредственного проводника политического влияния.

К сожалению, роль традиционных медиа (телевидения, радио, газет) почему-то стала уходить из современных политических дискуссий как фактора, противостоящего национально-религиозному экстремизму, интолерантности. Во многом это связано с представительством молодежи в аудитории СМИ. Действительно, молодая аудитория не жалуется вниманием традиционные медиа, отдавая предпочтения Интернету, сетевым электронным коммуникациям, блогингу. Однако замеры свидетельствуют о

том, что есть существенные детали в распределении предпочтений. Так, электронные версии печатных СМИ популярны и в молодежной среде. Кроме того, совершенно неправильно сбрасывать с пьедестала популярности транснациональные телевещательные коммуникационные каналы (Би-Би-Си, Си-Эн-Эн, Блумберг, Евроньюс и другие), они действуют в традиционной вещательной сетке и в виртуальной среде, они весьма популярны в аудитории широкого возрастного диапазона.

Формат этого выступления позволяет мне остановиться лишь на некоторых особенностях вещания уникального вещательного канала Евроньюс (русскоязычная версия) в контексте угроз интолерантного, деструктивного вещания. Этот объект заслуживает внимания хотя бы потому, что Евроньюс вещает на одиннадцати (!) языках, на канал работают сотни журналистов в корреспондентских пунктах по всему свету. Его информационные блоки выходят каждые полчаса, и их содержание обновляется по мере поступления новой информации. И, наконец, Евроньюс претендует на статус объективного и беспристрастного вещателя, самого популярного канала в Европе, о чем постоянно заявляется публично.

Соответствует ли заявленное действительности? Попробуем ответить на этот вопрос на ряде характерных примеров подачи каналом новостей из зон политического напряжения. Такой подход, как правило, проявляет реальные манипулятивные возможности, технологические приемы подачи смыслов и практики вещателя.

Острота ситуации, цейтнот вещателя часто толкает канал на открытую, прямую манипуляцию, даже на подлог. Вот как канал пытался показать референдум в Крыму. В информационных блоках первой половины дня 15 марта 2014 года каждые полчаса в эфире появлялась девушка, чей вид и поведение в кадре (постоянно озиравась по сторонам, немотивированно улыбалась) никак не соответствовали содержанию текста о «незаконности референдума», «фальсификации выборов», «под дулами автоматов». Но подлинным «украшением» сюжета стала следующая реплика: «Нас

заставляют голосовать...». Далее следует пауза, героиня сюжета беспомощно озирается в очередной раз, слышит громкую подсказку из-за кадра и облегченно повторяет слова суфлера: «...против нашей воли». Фальшивка не сразу стала очевидной для режиссеров канала. Только в новостях после 17.00 героиня постановки была заменена в тех же декорациях. На ее месте проявился благообразный пожилой человек (по виду — крымский татарин), он четко и внятно, с серьезной миной и без запинки произнес уже хорошо заученные фразы о том, что «мы хотим жить вольно», «Украина — демократическая страна», «в России нет демократии». Никаких других свидетелей событий в Крыму (в том числе, из числа местных татар) съемочная группа Евроньюс не представила в эфире. Могла бы, конечно, но очевидно это не входило в заданный алгоритм по крымскому сюжету.

29 марта канал сообщил, что «новых пенсий, несмотря на обещания (Москвы — М. М.) крымчане пока не видят». При этом идеологи вещания прекрасно были осведомлены, что существует озвученное в СМИ официальное решение — новые пенсии в Крыму будут выплачиваться с января.

В дальнейшем, канал неоднократно обращался к крымской теме и «крымско-татарскому вопросу» и всякий раз «почему-то» выстраивал сюжетную линию с игнорированием профессиональной, а значит — компаративистской модели создания новостного сюжета. Аудитория канала так и не получала сведения о существенных переменах в жизни крымских татар и жителей Крыма.

Замалчивание актуальных событий, избирательный подход в пользу одной из сторон конфликта — один из самых распространенных приемов манипулирования. И Евроньюс владеет этим приемом мастерски, отдавая предпочтение проукраинской позиции, в ущерб объективному, компаративистскому подходу. Так, в мае – июне 2014 года канал просто не замечал обстрелы мятежных районов на юго-востоке Украины из тяжелого вооружения. 11 июня едва ли не по всем вещательным каналам была

озвучена реплика министра обороны Украины о будущем насильственном расселении жителей юго-востока страны в другие регионы, о будущей «фильтрации» всех жителей Донбасса с целью определить — кто «террорист», а кто просто «сепаратист». Не замечать экстремизм на вершине власти — это вряд ли можно отнести к достоинствам вещателя с многомиллионной аудиторией.

Канал Евроньюс зачастую формирует ложные смыслы уже на этапе презентации текста и видеоряда. К примеру, сюжет об очередной годовщине конфликта в Южной Осетии преподнесен так — «Семь лет назад Грузия воевала с Россией из-за спорных территорий». Здесь канал демонстрирует полное непонимание относительно предмета и субъектов конфликта. Однако цель «непонимания» очевидна — добавить негатива в стереотип о России.

Или вот как представлял канал (вещание 27-28 октября 2016 года) трагические события в сирийском Алеппо (где действовали сирийские правительственные войска и российские воздушные силы) и в иракском Мосуле (зоне действия военной коалиции под эгидой США). Сюжет об Алеппо (там бои шли только в восточной части, причем, мирным жителям и боевикам был предоставлен коридоры для выхода из города) назван как «Уничтожение мирных жителей», а сюжету о полностью разбомбленном Мосуле предпослан заголовок — «Освобождение города». Понятно сразу — кто и в каком виде представлен аудитории.

Справедливости ради надо сказать, что канал демонстрирует приверженность к нормативным требованиям вещания, и, в частности, в обеспечении многообразия мнений. В частности, дается примерно равное представительство в эфире тех или иных оппонентов. Но и здесь Евроньюс выдает свое «ноу-хау», которые можно отнести к манипуляции. К примеру, вещатель показывает столкновение двух точек зрения по одному предмету. Однако видеоряд с участием одного конфликтанта отсутствует или представлен скупо, тем самым, текст одного оппонента синхронизирован с «картинкой» другого. А поскольку эффект сообщения в значительной

степени (на 80%) обеспечивается визуализацией, то канал обеспечивает гарантированное преимущество восприятия «нужной» точки зрения с эффективным видеорядом.

Евроныюз дает огромный объем материала и простор для работы аналитиков: политологов, психолингвистов, филологов, специалистов по журналистской этике. Скрытые приемы воздействия, «языковое манипулирование», «мягкая пропаганда» — это предмет их внимания. Воздействовать на этот предмет в рамках нормативного подхода весьма трудно, почти невозможно. Бывший представитель главы ОБСЕ по делам прессы Д. Миятович предприняла попытку улучшить информационное сопровождение конфликта на юго-востоке Украины. Состоялось несколько представительных конференций, «круглых столов» с участием журналистов и их союзов, медиа-экспертов, России и Украины. Состоялась горячая многораундовая дискуссия. И только. Без последствий.

Широкая публика так и не узнала об этой благородной попытке ОБСЕ, превратившейся по факту в банальную имитацию заботы «высокой» международной организации о цивилизованном информационном пространстве в условиях острейшего этнополитического конфликта. Одна из причин — в дискуссиях не принимали участия те, кто генерирует решения, прежде всего, владельцы прессы и политики.

Завершить выступление положено (и это правильно) на мажорной ноте. Полагаю, что, без точной, своевременной идентификации экстремизма во всех его проявлениях в информационном пространстве и адекватного реагирования на него, добиться политической стабильности трудно.

Поборники «жесткого» подхода к регулированию информационного пространства, конечно, пройдут свой отрезок пути. Однако они не смогут добиться полного успеха. Эффективность «мягкой пропаганды» обеспечивается разнообразным и хорошо разработанным инструментарием психолингвистического воздействия. Противоядие от него может быть создано в виде свода правил для пользователя Интернета или телезрителя, и

применяться это лекарство может и должно индивидуально и добровольно. Каждый участник высокотехнологичной коммуникации должен быть мотивирован альтернативой: либо ты существо, понимающее происходящее вокруг тебя, и ты включаешься в беспокойную реальность, либо соглашаешься на малочетный статус «жертвы пропаганды».